

Айлин Даймонд

Ночной шедевр

«Автор»

2016

Даймонд А.

Ночной шедевр / А. Даймонд — «Автор», 2016

ISBN 978-5-7024-2710-2

«На полу студии, от стены до стены, длинными рядами лежали фотографии большого формата – цветные, черно-белые и монохромные. Парень в темно-синих джинсах и ослепительно-белой рубашке с аккуратно завернутыми рукавами уже третий час раскладывал и перекладывал загадочный пасьянс из снимков. Впивался взглядом то в один, то в другой, замирал. Произносил короткое досадливое словцо и снова вглядывался в сотворенное им сегодня изображение...»

ISBN 978-5-7024-2710-2

© Даймонд А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

1	5
2	11
3	16
4	22
5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Айлин Даймонд

Ночной шедевр

1

На полу студии, от стены до стены, длинными рядами лежали фотографии большого формата – цветные, черно-белые и монохромные. Парень в темно-синих джинсах и ослепительно-белой рубашке с аккуратно завернутыми рукавами уже третий час раскладывал и перекладывал загадочный пасьянс из снимков. Впивался взглядом то в один, то в другой, замирал. Произносил короткое досадливое словцо и снова вглядывался в сотворенное им сегодня изображение.

Ирвин Стоктон всегда придирчиво относился к своим работам, но на этот раз критическое отношение явно зашкаливало. Сличал, всматривался, сердито отшвыривал. Перемещал фотографии, меняя их местами, отходил, глядел издали, прищуривался. Сжимал руки в кулаки и принимался в сотый раз пересматривать все снова.

На снимках была запечатлена одна и та же модель в разных позах и разнообразных одеждах – от купальника до платья.

Ирвин, весь день убивший на фотосессию, на каждой фотографии искал – и не находил – хотя бы намек на приближение к шедеву или хотя бы малюсенький признак удачи. Но ни одно изображение не передавало в полной мере красоту Мисс Техас.

Ирвин вновь прошелся от стены к стене, ощущая, как нарастает раздражение и появляется желание растоптать свидетельства творческого бессилия.

Ведь как будто все поймал в беспристрастный объектив. Вот Сандра улыбнулась. Радостно раскрылись красивые полные губы, словно готовые к принятию страстного поцелуя, но глаза... глаза... глаза не выражали ничего, кроме безразличия. И это несоответствие убивало наповал.

Ирвин присел у крайнего снимка.

Здесь – наоборот: великолепный взгляд исподлобья, лукавый, но чуть смазанный нечаянным движением – у модели дрогнули длинные ресницы и скрыли редкий миндалевидный разрез глаз.

Ирвин выпрямился и, заложив руки за спину, точно узник, приговоренный к пожизненному сроку, прошагал мимо снимков, не вызывающих ничего, кроме разочарования и тоски.

А ведь были все шансы отличиться... У этой модели так изумительно блещут и выются прекрасные каштановые волосы. А безупречный овал идеального лица! А шея, отвечающая самым высоким стандартам, а грудь классических пропорций, а великолепные бедра...

Ирвин в очередной раз предался поучительному самоистязанию. И чем дальше смотрел фотограф на дело своих рук, тем больше убеждался, что на всех снимках, независимо от ракурса, освещения и позы, модель выглядела фальшивой и искусственной.

Такой массовый брак у Ирвина Стоктона, профессионала с десятилетним стажем, случился впервые.

Почему? Ведь, нажимая на кнопку затвора, он всякий раз был убежден, что уловил самое удивительное, редкое слияние улыбки, поворота головы, взгляда. Но в результате – лишь разрозненная мозаика, из которой не сложилась картина. Картина, которая так ясно стояла у него перед глазами. Сандра – во всей своей красоте, во всей сияющей прелести, – сама Сандра Бьюфорт, эталон фотомодели: великолепные пропорции фигуры и не менее великолепная линия ног, восхитительная грудь, безупречные черты лица: тонкий нос, чувственные губы и миндалевидный разрез глаз. Титул «Мисс Техас» никогда еще не присваивался так заслуженно. Наверно, в этом-то и кроется причина неудачи. Просто такую красавицу ему еще не доводилось снимать.

Ирвин выхватил из ряда первый попавшийся снимок и решительным движением разорвал на две части. Потом – еще на две.

Судьба дала шанс – и какой шанс! – воплотить в реальность казавшуюся несбыточной мечту. Всего месяц назад Ирвин и предположить не мог, что в его монотонной, однообразной жизни произойдет такой крутой поворот... Случилось почти невероятное: после незапланированного, можно сказать, стихийного участия в съемках местного конкурса красоты Ирвин Стоктон получил неожиданное приглашение от агентства по раскрутке королев-победительниц, агентства с мировым именем.

Не задумываясь, удачливый фотограф из тихого городка Джорджтаун перебрался в Нью-Йорк, где и заключил контракт – правда только на семь календарных дней. Кроме скромного аванса Ирвин получил еще и студию на самой богемной улице, недалеко от Гарлема, небольшую, зато оборудованную по последнему слову техники, – студию, которая служила и местом работы, и пристанищем. За ажурной перегородкой – уютная спальня с широким кожаным диваном, а внизу – кухонька с холодильником, газовой плитой и микроволновкой. Плюс шикарная ванная комната с душевой кабиной и зеркальными стенами. В общем, все мыслимые удобства для творца, призванного покорять Нью-Йорк, Америку и весь мир.

Ирвин поднял с пола очередной снимок, доказывающий его бездарность как мастера света и тени.

Нет, таких благоприятных условий для штурма художественных высот, наверное, не было ни у одного молодого фотографа. Агентство кроме студии предоставило для предстоящих съемок не только скромную, исполнительную ассистентку Лайзу Эванс, но и свою главную супермодель Сандру Бьюфорт, которая когда-то за явным преимуществом победила в Техасе, а позже удостоилась титула вице-королевы красоты общеамериканского уровня.

Ирвин четвертовал фотографию, превратившую очарование красавицы в кукольную холодность.

С таким великолепным материалом грешно не доказать свое право на постоянное место в агентстве. Продление контракта зависело лишь от одного вполне выполнимого условия: удастся ли Ирвину Ричарду Стоктону за оговоренный срок, то есть неделю, создать шедевр.

Конечно, босс выразился более обтекаемо. Вроде как: докажи-ка, парень, что у тебя истинный талант и высочайшее мастерство, удиви неповторимостью почерка и дерзким новаторством. В общем, создай что-нибудь этакое, что не под силу прочим претендентам. Ну а если получится шедевр, то будет совсем хорошо.

Ирвин собрал обрывки фотографий и медленно двинулся к шредеру, поблескивающему в дальнем углу голодной стальной пастью с острыми челюстями.

Да, Мисс Техас, задачка мне не по силам. Вообразил себя сложившимся мастером. О да, конечно! Десять лет на рынке фотобизнеса, великолепный профессионал – что и говорить! И великолепно доказал неумение уловить истинную красоту.

Я не профессионал, комментировал Ирвин складывание в стопку останков несостоявшихся шедевров. Я даже не тупой ремесленник.

Лязг тридцати безжалостных стальных ножей наполнил гулкую студию, отзываясь ехидным эхом от высокого потолка, огромных окон, пустых стен.

А Ирвин твердил и твердил сам себе: я жалкий тщеславный любитель, я обыкновенный неудачник, я недотепа и бездарь.

Алчная пасть бумагоуничтожителя поглощала снимок за снимком, превращая испорченную красоту в мелкую лапшу.

Я жалкий тщеславный любитель. Я обыкновенный неудачник. Я недотепа и бездарь.

Ирвин во всем отличался точностью и аккуратностью. В том числе и в собственном аутодафе.

Хлопнула входная дверь студии. Ирвин вздрогнул и недовольно оглянулся. Это вернулась припозднившаяся ассистентка. Лайза Эванс с извиняющейся улыбкой стояла на пороге.

Ирвин знал о назначенной ему помощнице только два, но зато красноречивых факта. Когда-то она победила в городском конкурсе красоты, а потом угодила в автомобильную аварию. Расспрашивать о подробностях и последствиях было некогда, да и неудобно. Но первый же взгляд на ассистентку доказывал, что последствия, ясное дело, были. Большие черные очки, неснимаемый черный шарф, надвинутая на лоб черная шапочка и серый брючный костюм представляли несчастную девушку образцом невезучести. И сейчас Ирвину даже на мгновение полегчало, когда ее явление напомнило: есть люди, которым тоже досталось от судьбы по полной программе.

– Простите, сэр, я задержалась.

– Пустяки. Хотя... мы же вроде договорились: никаких «сэров», – ответил он, отходя от шредера. – Я Ирвин, просто Ирвин.

Лайза продолжала, словно не замечая раздраженного тона:

– Я купила сэндвичи с ветчиной и сыром.

– Спасибо, – перебил ее Ирвин. – Большое спасибо.

– Похоже, ты потрудился на славу. – Лайза вздохнула, покосившись на шредер.

Ирвин мрачно улыбнулся.

– Как видишь, да.

– Бывает и хуже.

Лайза поставила сумку на столик, приткнутый между дверью и рядом выключенных софитов.

– Но ведь это только первый сеанс, впереди еще целых шесть дней, столько возможностей исправиться...

Ирвин сжал руки в кулаки. Сдержался.

– Я думаю, столько времени мне уже не понадобится. Все ясно – я не справился с задачей. Не стоит тратить силы.

Лайза несмело подошла к нему поближе.

– О тебе босс говорил как о крепком профессионале с большим потенциалом.

– С благополучно исчерпанным потенциалом, – резко уточнил Ирвин.

Ему хотелось одного – прогнать мрачную зануду и забыться. Впрочем, Лайза все-таки действительно хорошая помощница и не стоит обижать ни в чем не повинное создание.

– Понимаешь... – продолжил он, мрачно глядя не в глаза, а куда-то сквозь Лайзу, мимо нее, в свои мысли. – Одно дело блистать на фоне дилетантов, халтурщиков и ремесленников, подавая неслыханные надежды, и совсем другое – сотворить классную, безупречную, потрясающую композицию, в которой ни прибавить ни убавить...

Он махнул рукой на шредер, забитый погибшими надеждами на успех.

Лайза виновато улыбнулась, как бы заранее извиняясь.

– А может быть, дело в другом?

– В чем? – Ирвин наконец сфокусировался на ее лице, ожидая ответа. Краткие советы ассистентки во время фотосессии были весьма точны и полезны. Может быть, действительно он упустил какой-то важный нюанс при съемке?

– Объясни, если можешь.

Лайза вернулась к дверям и произнесла тихим голосом:

– Может быть, ты просто...

Лайза повернула ручку.

– Может, ты просто влюбился в модель?

– Еще этого не хватало, – парировал Ирвин. – Я профессионал; профессионалы не влюбляются в объект, а работают с ним!

– В жизни случается всякое, – грустно улыбнулась Лайза и вышла, аккуратно закрыв дверь.

Ирвин стукнул кулаком по шредеру.

– Все это вздор.

Ирвин прошел в ванную.

Когда-то дед, заядлый фотограф, заразивший внука той же страстью, раскрыл талантливому мальчишке свой секрет восстановления после неудач – особый ритуал: сначала требовалось тщательно уничтожить паршивые образцы, все до единого, а потом выдержать три минуты под ледяным душем. И беду как рукой смоешь! – уверял дед.

Ирвин задержался у зеркала. Усмехнулся.

Вот ведь – бездушное стекло, а умеет передавать образ гораздо лучше, чем камера, оснащенная сверхсовременным объективом.

На него смотрел человек с серыми глазами, широковатым овалом лица, более или менее правильными чертами и очень твердым, спокойным, непоколебимым выражением. Это выражение всегда нравилось Ирвину. Но сегодня он ему не верил. Сквозь спокойствие проступало отчаяние, сквозь твердость – растерянность, сквозь напускную непоколебимость – угрюмость осознания полной неудачи.

Нет, Ирвин, возможно, твоя мужественная физиономия нравится женщинам, но, боюсь, как фотографу тебе это не поможет.

Ирвин неторопливо разделся.

Фиговый из тебя фотограф.

В другом зеркале отразился ладно сложенный молодой мужчина. Ирвин скептически поглядел на отражение. Боюсь, дружище, что эти достоинства – единственное, что у тебя осталось.

Зашел в душевую кабину и решительно включил холодную воду на полный напор...

2

Сколько Ирвин себя помнил, дед, бывший морской пехотинец и любитель природы, всегда находился рядом, заменяя неумных родителей, без устали скитавшихся по странам всех континентов в поисках лучшей доли. Дед овдовел в момент появления на свет единственной дочки и любил ее безумно и беззаветно. Дочка же, вертихвостка и авантюристка, едва достигнув брачного возраста, вырвалась из-под плотной родительской опеки замуж за такого же, как и она, раздолбая и любителя приключений. Вскоре парочка беспечных перелетных птишек оставила деду нечаянно сотворенного внука, и сентиментальному ветерану ничего не оставалось, как отдать всю свою душу последнему утешению, появившемуся так вовремя.

Суровая армейская выучка позволяла деду не только стоически выдерживать неожиданные испытания, но и ценить в жизни все устойчивое, солидное, отдавая предпочтение, как он выражался, проверенным вещам. Поэтому вместо сказок перед сном они с внуком обстоятельно и увлеченно разглядывали толстенные фолианты, битком набитые фотографиями – в основном птиц, бабочек и растений.

Деду, прошедшему через множество военных конфликтов, слишком часто приходилось глядеть на людей через прицел, и всю оставшуюся жизнь он предпочитал созерцать безобидных представителей флоры и фауны. Цветок розы гораздо приятнее видеть в окуляр фотоаппарата, чем летящую вражескую гранату. Мотылек не вопьется в плечо, как осколок фугаса. А оперение колибри куда красивее, чем траектория шальной пули.

Но внимание, которое к тем же снимкам проявил несмышлениш, поражало деда – и совпадениями, и неожиданными предпочтениями. Маленький Ирвин любил в фолиантах те же картинки, но по-своему. Старик обожал изучать способности внука на примере своих, довольно оригинальных снимков.

– Внимание, малыш! – командовал ветеран морской пехоты тоном прожженного сержанта. – Смотри внимательно!

Ирвин беспрекословно подчинялся деду и безропотно вникал в световые эксперименты.

Особенно нравились внуку дедовские портреты соседских кошек. Ирвин вглядывался в фотографию: обыкновенный кот, захваченный на резкой границе света и тени, походил на черта, только что выскочившего из преисподней.

– Смешной котик. Смотри, как лапку держит!

– Верно! – радовался дед. – Соображаешь, малыш! У тебя дьявольское чутье на ракурс! Это, видишь ли...

И дед пускался в длинные объяснения. Фотограф-самоучка любил говорить долго и обстоятельно, выкладывая знания, почерпнутые из бесчисленных справочников, а также ускоренных курсов по съемке насекомых. Местная газетка часто и охотно печатала работы неутомимого натуралиста.

Съемки дед проводил, не слишком отдаляясь от дома, в ближайшем лесочке, и Ирвин был его постоянной и единственной компанией. Старый фотограф усердно наставлял маленького помощника в секретах, которые тут же сам и открывал, и долгое время эти походы были их любимым занятием.

Но чем старше становился Ирвин, тем тревожнее и задумчивее вглядывался дед в наследника. Слишком уж резко стала проявляться собственная линия, которую гнул мальчишка, не пытаясь этого скрывать. Все чаще и чаще объектом норовистого ученика становились красавицы. Если ветеран упрямо находил эстетический кайф в тихих цветочках, юрких насекомых и шустрях птицах, то подрастающего фотографа тянуло к другим прелестям.

– Что это такое? Нет, я спрашиваю тебя, что это такое? – кипятился дед, разглядывая результат порученной Ирвину работы – тщательно обдуманной, заботливо выношенной идеи: изобразить стрекозу, идиллически трепещущую на листе водяной лилии.

– То, что ты велел, – отвечал Ирвин с некоторым стеснением и упрямством, глядя на снимок, где из воды с лилией в зубах выглядывала веселая мокроволосая соседская девчонка.

– Гм... Ну и где тут стрекоза? – ехидно спрашивал дед.

Ирвин молча тыкал в растрепанную местную русалку.

Дед злился и раздражался бранью, потом вглядывался, замолкал, хмыкал, хихикал и умилялся:

– А верно! Верно, парнишка! Стрекоза и есть! А мне и в голову не пришло! Молодец!

Так и сверкали дед и внук объективами в окрестностях Джорджтауна не один год – пока на наставника и единственного близкого Ирвину человека не обрушилась хворь, спровоцированная давними ранами. И настал тот проклятый день, когда дед, шаг за шагом утратив способность глядеть, двигаться, есть, принялся проживать свои последние минуты. Старик, умирая, держал Ирвина за руку и сквозь предагональные хрипы – он не терял ни сознания, ни беспокойства за будущее внука – давал последние наставления:

– Дитя мое... тебе талант дан... от Бога... береги его... Сделай то, что мне не удалось... Обещай...

– Что? – тупо спросил Ирвин, в заторможенности горя и ужаса почти не воспринимавший слов.

– Стань мастером... Настоящим фото...

Фразу закончить не довелось. И Ирвин поклялся на свежей могиле, что станет великим фотографом и прославит имя Стоктонов на весь мир.

Осталось клятву выполнить.

Свидетелем обещания был единственный соучастник похорон – главный редактор местной газетки, посчитавший служебным долгом почтить присутствием траурную церемонию.

Добродушный толстяк утирал слезы, с горестными вздохами припоминал случаи прискорбных несогласий с беспокойным внештатным сотрудником и уважительными кивками сопровождал слова Ирвина. А на обратном пути с кладбища предложил внуку продолжить достойное дело деда, заняв вакансию редакционного фотографа. Последовало быстрое согласие – Ирвин был рад начать свою карьеру с той точки, на которой дед закончил свою. Но думалось ему, все чаще и чаще, что надо снимать не бессловесную флору и не редкую фауну, а людей. Люди намного загадочнее и необъяснимее. В особенности – женщины. В особенности – красивые. Их красота, как успел понять Ирвин, открывается по-разному. От одних сразу невозможно оторвать взгляд. Они сами просятся под объектив. Загадку других постичь труднее – тут помогают задор и кураж. Но все-таки лучше всего – когда виртуозность мастера сливается с красотой модели: так-то и создается подлинное произведение искусства.

Но пока что требовалось хотя бы сделать себе имя, и юный фотограф деятельно предался этому занятию. Несколько лет полосы газеты пестрели работами Ирвина Стоктона: открытие нового корпуса больницы, соревнования по бегу с кипящим чайником, старушки в хосписе, молодожены, выходящие из собора... Невесты были небесны и воздушны, старушки сквозь обвислости и морщины являли последние следы женского лица, победитель с призом в руках необыкновенно радостно тарачил глаза, а больничные окна сияли так ярко и приветливо, что вызвали немедленное желание за ними оказаться...

Что-то было в этих снимках, чего не было у коллег по редакции, – но и деда не было, и некому было объяснить Ирвину, в чем таился секрет его эффектов.

Но однажды случилось чудо, которое круто изменило жизнь провинциального самоучки, за десять лет втянувшегося в профессию и в немного божественный, как и положено творческой личности, одинокий быт. Может, судьба сжалилась над талантливым фотографом, уставшим от газетной поденщины, от беспорядочной личной жизни, не слишком отличавшейся от унылой скуки местных порядков. А может, чудо случилось по иным причинам.

Последние годы примерно раз в неделю во сне Ирвину стал являться дед. Опускался на несуществующий стул, напяливал давно выброшенные очки и смотрел вполне реальные, недавно сделанные Ирвином снимки.

– Ну, дед, говори: что тут так, что не так, почему не так, – повторял Ирвин старую любимую присказку.

Дед по привычке тыкал пальцем, что-то говорил – как всегда, долго и убедительно, но туманно, неуловимо. Слова рассыпались воздушной пылью в столбе утреннего света, бьющего в окно.

Ирвин просыпался в досаде. В ушах звучали лишь те, последние слова:

– Стань мастером... Мне не удалось... тебе...

И, возможно, эти слова были сказаны не только при земном прощании, но и где-то там, в небесных канцеляриях.

В начале нынешнего года Джорджтаун проводил финал городского конкурса красоты с необычайной помпой, и из самого Нью-Йорка прибыла небольшая команда от знаменитого

агентства, специальностью которого был промоутинг победительниц. И вот как объяснить такой факт? За час до открытия решающего этапа фотограф агентства по неосторожности провалился в канализационный колодец.

Иной раз Ирвин, ухмыляясь, представлял себе, как дед, отпросившись с того света на короткую побывку, с сопением выворачивает тяжелую чугунную крышку, чтобы посильно подсобить внуку в профессиональном росте.

Впрочем, невезучий фотограф отделался всего лишь переломами обеих рук и разбитым дорогостоящим объективом. А Ирвин Стоктон получил наконец возможность заявить о себе в полный голос на фотомodelьном поприще.

Главный редактор городского таблоида не растерялся и предложил агентству своего лучшего репортера. Был бы дед жив, наверняка бы поставил своему бывшему шефу бутылочку виски.

Ирвин не подвел рекомендателя в свой звездный час и выдал потрясающую фотосессию победительниц, побежденных и просто участниц, вложив в работу все умение и азарт. Но, как оказалось, это было только начало.

После неожиданного звонка из агентства и последующих сенсационных событий Ирвин понял, что его звездный час еще только приближается. Жалко, дед никогда не узнает, что его безбашенный внук все-таки получил возможность реализовать свой творческий потенциал не где-нибудь, а в самом Нью-Йорке.

Ирвин избавился от всего движимого и недвижимого имущества и отправился покорять мир в старых джинсах, поношенном свитере, парой маек с девизом «Объектив видит все» и разношенным кроссовкам. В город самых больших небоскребов и радужных возможностей вместе с фотографом перекочевали только старый фотоальбом с лучшими снимками усердного покойного натуралиста да скромное порт-фолио самого Ирвина, в котором среди редких, по его мнению, профессиональных удач находилась сделанная им подборка портретов деда. На одном из снимков старик держал в руках очки – старые, как он сам: стекло треснуло, а заушина перетянута скотчем. Очки Ирвин выкинул сразу после его смерти, не в силах ни видеть их, ни касаться. Но этот портрет он любил больше всего. На этот портрет, по правде сказать, он больше всего и рассчитывал, предвкушая, как директор агентства примет его в роскошном кабинете, вдумчиво примется перелистывать портфолио и замрет, увидев, как передана игра светотеней в дедовых морщинах, как уловлена ухмылка, спрятанная в серьезность, – изумится, похлопает новичка по плечу и воскликнет: «О'кей, парень, ты принят!». Но, как известно, человек предполагает, а судьба располагает...

Ирвин, продрогнув от ледяной воды и от не менее отрезвляющих воспоминаний, покинул душевую кабину.

Дедов рецепт восстановления в очередной раз сработал. Из ванной комнаты Ирвин вышел другим человеком. Или, точнее, прежним, но вернувшимся к уверенности в своих силах. Беда смыта дочи́ста, можно жить дальше и работать, работать, работать...

Красоту Сандры Бьюфорт может передать только истинный шедевр!

Ирвин в задумчивости продефилировал на кухню. А может, действительно ассистентка права? Может, он и вправду, сам того не замечая, втюрился в модель?

Достав из холодильника коробку гранатового сока, Ирвин наполнил высокий стакан и, неторопливо потягивая терпкий напиток, принялся анализировать события последних дней.

Да, это могло случиться. Причем с первой встречи. Как раз в тот день, когда, прибыв в Нью-Йорк, прямо с дороги, не успев даже перекусить, оказался в кабинете босса...

3

Ирвин ожидал увидеть нового босса похожим на главного редактора своей бывшей газеты – таким упитанным солидным джентльменом в безукоризненной рубашке с нефритовыми запонками. Но вальяжно сидящий на краешке стола лысоватый мужчина средних лет и чрезвычайной сухопарости мог походить в крайнем случае на клоуна или в лучшем – на бойкого рекламного агента, но не на директора солиднейшего агентства.

Босс, завидев Ирвина, небрежно отшвырнул сигару и устремил на соискателя места под солнцем взгляд, не сулящий ничего хорошего. Ирвин еще не знал тогда, что босс обожает всякие психологические штучки. Минут пять, если не дольше, в комнате стояло тревожное молчание. Двое упорных мужчин изучали друг друга с пристрастной резкостью, и ни один не собирался заговаривать первым. Наконец босс понял, что Ирвин может стоять, не произнося ни слова, до скончания вечности, и прервал нелепое обоюдное молчание:

– Значит, приехал. Все бросил и приехал. Смелый парень, хвалю. – Босс достал из коробки свежую сигару. – Я тебя пригласил не просто так. Мои фотографии пустились в череду исчезновений: один недоволен оплатой, другой, видите ли, в творческом запое – бог его знает, что это за запой, – третий...

Босс пустил в ход гильотину, которой обычно в сериалах про мафиози отрезали мизинцы предателям. Ирвин на мгновение представил на месте сигары своей, ни в чем не повинной, с аккуратно подстриженным ногтем, палец.

– Ну, неважно. – Босс щелкнул газовой зажигалкой. – Вот и работай с такими людьми! – Босс, зажмурившись от удовольствия, затянулся ароматным дымком. – Может, закуришь?

– Капля никотина убивает мустанга.

– Ах да, я и забыл. – Босс тут же избавился от начатой сигары. – Одолели дурные привычки.

Босс наконец-то покинул угол стола и переместился в подобающее своему высокому статусу кресло.

Ирвин же, вышколенный бывшим морским пехотинцем в лучших армейских традициях, продолжал стоять по стойке «смирно».

– Кстати, как у тебя с алкоголем? – спросил вдруг босс как бы невзначай.

Ирвин ответил так, словно его проверяли на детекторе лжи, – четко, уверенно, без малейшего волнения:

– Как у всех. – И добавил для пущей убедительности: – Сэр, не волнуйтесь на этот счет.

– Значит, употребляешь?

– Исключительно пиво.

– А вино?

– Крайне редко.

– Похвально, похвально.

Судя по реакции босса, ожидался именно такой ответ.

– И виски тоже, – добавил Ирвин для закрепления благожелательной атмосферы. – Крайне редко.

– Ну что ж... я тебе верю, парень.

– Благодарю, сэр.

– Честность, Ирвин, – лучшая политика. Будь честен в работе, и работа будет честной с тобой.

– О, мой дед стоял на тех же принципах.

– Злоупотреблял?

– Кто?

– Дед.

– В меру.

– Ладно, закроем алкогольную тему.

Босс поудобнее уселся в кресле и снова впериł в новобранца пристальный взгляд.

– Знаешь, парень, мне понравилась твоя спонтанная серия по нашей тематике. Неплохо, для начала совсем неплохо, но с нашими мастерами все-таки не сравнить. И скажу тебе по секрету: мои штатные фотографы очень возмущались, что я пригласил тебя на стажировку, особенно ведущий – так сказать, наша гордость и слава, мистер Алан Кортби...

Босс замолчал, ожидая, как бывалый психолог, реакции от неофита.

Ирвин на всякий случай ограничился одним вопросом:

– Это не тот ли, который провалился в канализационный колодец?

– К счастью, нет. – Босс хохотнул. – Того бедолагу мы, так сказать, проводили на заслуженный отдых. А вот мистер Алан Кортби... – Босс снова приступил к психологическому тестированию. – Глянь, сынок, на стену.

Ирвин беспрекословно подчинился.

За спиной босса висел снимок – один-единственный, среднего формата, но зато какой!..

У Ирвина перехватило дыхание от страшного сюжета и великолепного технического исполнения.

– Как тебе? – спросил босс. – Картиночка?

– Жутковато.

– Не то слово. Этот шедевр никто и никогда не решился бы опубликовать.

– Что шедевр то шедевр.

Ирвин не льстил ни боссу, ни ведущему фотографу – снимок действительно потрясал.

Мгновенно угадывались последствия дорожной катастрофы: фрагмент искореженной дверцы безумно дорогого автомобиля и крупным планом – лишь женская окровавленная рука с уцелевшими пальцами. На одном – массивное золотое обручальное кольцо, инкрустированное бриллиантами, на другом – перстень из крупного черного топаза ценой в разбитый автомобиль.

Ирвин снова пристально взглянул на снимок. Да, это высший пилотаж, это мечта любого фотографа – так зафиксировать репортажный кусок жизни, чтобы тот мгновенно превратился в образец высокого искусства, в шедевр, который раз увидишь и больше никогда не забудешь, в изображение, которое войдет в мозг зрителя острым гвоздем и застрянет в памяти навсегда.

Искалеченный автомобиль и еще живая рука. Но ясно, что носительнице кольца и перстня никогда больше не ходить, не дышать, не смеяться. Вот-вот пальцы дрогнут в последний раз – и останется мертвое тело, пригодное лишь для морга и шикарного гроба.

Ирвин с трудом оторвался от снимка, превратившего страшную трагедию в безумное эстетическое торжество, и посмотрел на босса.

– Ну что, парень, можешь сотворить что-нибудь этакое?

Но Ирвин вместо скромного и уклончивого ответа сделал непрошеное признание:

– Нет, я бы не смог вдохновиться умирающей моделью.

– Кстати, – ободряюще улыбнулся босс, – иногда в таких катастрофах особо везучие, как это ни странно, выживают.

– Хочется верить.

– И ты в этом скоро убедишься.

– В каком смысле? – недоуменно спросил Ирвин. – Что, мне предстоит фотосессия в реанимационном отделении?

– Обожаю черный юмор. – Босс вскочил с кресла, подбежал к шкафу, схватил с полки толстую папку, вытряс на стол кучу бумаг и увлеченно принялся зачитывать непонятливому неофиту весьма конкретную и вдохновляющую информацию о недельном контракте и студии, полностью оборудованной для фотографического процесса.

– Семь дней, парень! На работу – семь дней, и ни часу больше – у меня такое правило! Не получится – всего хорошего!

А потом Ирвин понял, на что намекал босс, когда говорил о везунчиках, уцелевших в кошмарных автокатастрофах. Речь зашла об ассистентке Лайзе Эванс, которая должна была встретить стажера уже в студии.

Босс, поднатужившись, придал лицу печальное выражение и поведал о гибели жениха и о спасшейся чудом невесте. Еще босс посоветовал не обращать внимания на внешние отталкивающие детали, траурную одежду и прочие мелочи, сопутствующие утрате былой красоты, а сосредоточиться на профессиональных качествах Лайзы Эванс.

– Я оставил несчастную девушку в агентстве из жалости, а она оказалась весьма ценным приобретением. Лучше бедняжки Лайзы тебе свет никто не поставит, да и по использованию подручных аксессуаров ей нет равных. Кроме того, великолепно заменит визажиста – да и я малость сэкономлю! – Босс снова захохотал и принялся сгребать бумаги обратно в папку.

– Интересно, а как жертва подобной катастрофы реагирует на этот снимок? – спросил неожиданно для себя и босса Ирвин Стоктон.

– Никак, – обернувшись, ответил босс, криво впихивавший папку обратно в шкаф. – Лайза человек со странностями, она никогда не заходит в мой кабинет.

– И правильно делает.

– Ладно, хватит о грустном. – Босс вернулся в кресло. – Мы не договорили об Алане Кортби.

– Я весь внимание.

– Парень, ты, наверное, понял, что я ценю оправданный риск, обожаю эксперименты и поэтому доверяю тебе...

– Спасибо.

– Но ты должен понимать: у тебя тут конкурентов – уйма.

– Понимаю.

– И я хочу им всем, зажавшимся и упившимся, вставить фитиль. А то страх потеряли! Качество падает! А, парень? Вставим им фитиль! – Босс перевел дыхание после искренней гневной вспышки. – И, кстати, мистеру Алану Кортби – тоже.

Ирвин предпочел в данную минуту тактично промолчать – заранее топтать еще не поверженного фаворита было бы неуместно и просто глупо.

– Ну, понял, по глазам вижу. Что у тебя тут на майке накалякано? «Объектив видит все»! Смело! Здорово! Гениально! Это твой девиз? Отлично! Так сделай всех, парень! Докажи, что ты не хуже! Докажи, что лучше! Не стесняйся! Чего тебе терять? Побольше дерзости, новаторства, продемонстрируй свой неповторимый почерк! А?

– Постараюсь, – тихо сказал Ирвин. – Постараюсь.

– Но придется изрядно потрудиться!

– Меня этим не испугаешь.

– Ненавижу бездарей и бездельников!

– Я тоже.

– Начнешь с завтрашнего дня.

– Конечно.

– Но учти: это будет адская работа. – Босс язвительно усмехнулся, постучал пальцем по столу. – Ибо уважаемый мистер Алан Кортби, прежде чем отвалить в длительное турне по Азии, оставил тебе свое самое дорогое...

Босс в очередной раз повторил театральную паузу с психологическим подтекстом.

– Так мне предстоит трудиться в его студии? – спросил Ирвин как можно наивнее.

– Нет, парень, твоя студия – это та, что когда-то была моим первым логовом. – Босс ностальгически улыбнулся. – Ах, сколько там перебивало девочек из Гарлема!..

– Так вы тоже баловались фотографией?

Ирвин сконфузился, употребив не совсем точный глагол. Но босс понимающе гоготнул:

– Еще как баловался! Но, конечно, мне до мистера Кортби ох как далеко!..

– Мне пока – тоже.

– Хорошее словечко «пока», – многозначительно произнес босс. – Хорошее.

А Ирвин пытался угадать, что же такое самое дорогое оставил ему мистер Алан Кортби: свой любимый аппарат или объектив, а может, толстую-претолстую книгу, заполненную профессиональными советами?

Босс, понаслаждавшись недоумением, явно читаемым в глазах амбициозного молодого человека, все же открыл карты:

– Но боюсь, парень, тебе будет не до девочек из Гарлема. – Босс решительно нажал кнопку вызова. – Потому что мистер Алан Кортби, по доброте душевной, поставил перед тобой почти неразрешимую задачу.

Стажер не успел уточнить, в чем же заключается неразрешимость, как в кабинет вошла... Ирвин обомлел и обалдел. Эта женщина могла покорить любого, эта женщина являла собой тот безупречный тип, который нравится всем мужчинам без исключения, эта женщина сама по себе уже была шедевром, изваянным природой и силами небесными.

Свободная и гордая осанка гимнастки, претендующей на звание олимпийской чемпионки. Величавые и плавные движения примы-балерины. Породистость истинной принцессы – от наманикюренного изящного мизинца до точеной лодыжки.

Ирвин в мгновение ока представил, какое чудесное видение, какой потрясающий, незабываемый образ можно сделать из этой идеальной модели!..

А босс, превратившись из разбитного клоуна в темпераментного конференсье, громко объявил:

– Мисс Техас, она же – вице-королева всеамериканского конкурса красоты, несравненная и неподражаемая Сандра Бьюфорт!

Топ-модель небрежно взглянула на робеющего стажера и так же небрежно скользнула холодно-равнодушным взглядом по боссу, довольному устроенным цирком.

А босс продолжал как ни в чем не бывало:

– Так вот, парень: наш мистер Кортби считает, что если тебе удастся в своих работах адекватно воспроизвести красоту Сандры Бьюфорт, то тебе цены не будет!

И Мисс Техас застыла в позе витринного манекена, демонстрируя опешившему соискателю свой безграничный потенциал...

4

Нет, в тот момент был восторг и потрясение, мысленно сказал Ирвин опустевшему стакану из-под гранатового сока. Но на любовь – ничего похожего. Да и не до любви, когда только что началась новая жизнь. Студия, в которой с первой минуты хочется творить, творить и творить. Исполнительная, хотя и странноватая, ассистентка. Топ-модель, о которой можно только мечтать. Только мечтать... Как о потрясающем объекте для фотосессии, но не как о женщине, к которой тянет, которую хочется обнимать, целовать, ласкать... Да и трудно представить, как могут сойтись какой-то молодой фотограф, без авторитета и бренда, и топ-модель, прошедшая огонь и воду – или все, что положено пройти этим топ-моделям...

Прервав свой безмолвный монолог на самом драматическом месте, стажер вспомнил о сэндвичах, доставленных Лайзой.

Красоту Сандры может передать только истинный шедевр! – продолжил Ирвин, рыская по студии в поиске заветной сумки с фастфудом и пивом. И я этот шедевр сделаю! Только надо поужинать и как следует выспаться. А завтра начать – с утроенной энергией и непоколебимой верой!..

Но поужинать на скорую руку Ирвину Стоктону так и не удалось – и тем более выспаться.

За окном озабоченно шумел и суетился чужой, гигантский, незнакомый город. Сколько победителей видели эти небоскребы? А сколько проигравших? А мистер Алан Кортби? Наверняка где-то в своем вояже злорадствует, предвкушая, как обломает несмышленный наглец молочные зубки о красоту, требующую особого, нестандартного, высокопрофессионального подхода...

Ирвин застыл, сосредоточившись на неясном образе Сандры, мелькнувшем не то в его воображении, не то в игре сумеречных теней, отразившихся в оконном стекле. Но спонтанный процесс интуитивного поиска самого выгодного для Мисс Техас ракурса был прерван неожиданными, далекими и глуховатыми стенаниями мобильного, забытого на диване.

По пути к спальне Ирвин перебирал варианты, пытаясь представить, кому он мог здесь понадобиться. Недлинный список открывал главный редактор городской газеты, которого, не исключено, могла волновать дальнейшая судьба его бывшего репортера, а закрывал почему-то покойный дед. Между голосом из загробного мира и голосом из города, куда не хотелось больше возвращаться, вместились новый босс, не исчерпавший запас наставлений, и ассистентка, с запоздалыми раскаяниями в том, что не убрала сэндвичи и пиво в холодильник. И, само собой, не могло быть речи о топ-модели – у них наверняка все звонки расписаны на десять, если не на двадцать, лет вперед.

Ирвин Стоктон даже успел мысленно приготовить надлежащие ответы. Главному редактору можно соврать, чтобы зря не расстраивать. С боссом – согласиться по всем выдвигаемым пунктам. Ассистентку – пожурить и простить. А деда проигнорировать как обыкновенную помеху связи и глюк после несвоевременного приступа воспоминаний.

Но ни одна заготовка не понадобилась. В мобильнике зазвучал голос, который должен был прозвучать только завтрашним утром – и ни часом раньше.

– Ирвин, это я.

Этот голос он узнал сразу, хотя еще не успел к нему привыкнуть. Проникающим эхом отозвался бархатный, с таинственными интонациями голос где-то там, в глубинах глубин души, еще не разучившейся верить в чудеса.

– Ирвин, ты меня слышишь?

Резко заколотилось сердце.

Сандра. Сандра Бьюфорт. Вице-королева Америки. Несравненная Мисс Техас, ведущая модель самого знаменитого агентства мира.

Ирвин, не в силах ответить, с каким-то сладострастием мысленно перечислял титулы позвонившей ему – ему, провинциальному фотографу, дилетанту! – королевы красоты. Позво-нила сама, первая...

– Ирвин, ты меня слышишь? – повторила Сандра нетерпеливо. – Ирвин!

– Да, – наконец произнес он, машинально отметив предательскую хриплость голоса. – Да!

В трубке – молчание. Что-то случилось непредвиденное? Ирвин замер: вот-вот произойдет неизбежное разъединение – и Сандра снова окажется недоступна.

Но связь не подвела.

– Ирвин... – наконец продолжил голос – в нем возникли драматические нотки. – Ах, Ирвин...

– Слушаю, – повторил Ирвин, невольно усиливая хрипоту, выдающую волнение. – Слушаю.

– Я все знаю...

– Что знаешь?

– Лайза мне все рассказала.

– Лайза?

– Ну, твоя чудесная ассистентка.

Уловив легкую иронию, Ирвин наконец сообразил, о чем пойдет речь.

– Правда это получилось ужасно?

– А, ты про фотографии...

Ирвин совсем позабыл о произошедшем. О том, как уничтожал свидетелей своего профессионального бессилия.

– Да ничего, технический брак. Бывает.

– Лайза сказала, что не технический...

– А какой?

– Лайза сказала, творческий. Но странно она к этому отнеслась... Мне показалось, она не слишком-то за тебя расстроилась...

Ирвин мысленно выставил Лайзе серию кратких и выразительных оценок – и за отношение к его работе, и за слив информации.

– Так... я ей припомню... – И тут же спохватился: – А больше она ничего не говорила?

– Н-нет... кажется, нет. – Теперь голос Сандры звучал робко, неуверенно – то ли действительно не говорилось, то ли забылось, то ли не хотелось возвращать адресату неприятную весть. – А что? Что-то еще случилось?

– А разве мало того, что мой ассистент подрабатывает инсайдером? – прямым вопросом на вопрос ответил Ирвин.

Может быть, и к лучшему, что о первой неудаче великолепной Сандре сообщила Лайза? По крайней мере не надо ни оправдываться, ни убеждать. А главное – Лайза не проболталась о своей гипотезе насчет влюбленности в модель.

– Ирвин...

– Да?

– Мне кажется, ты очень-очень расстроен.

– Да так, знаешь, самую малость. Но ты молодец, ты держалась идеально. Завтра обязательно продолжим.

Ирвин выпалил все одним махом, боясь, что не успеет создать позитивное настроение – на той стороне могли огорчиться и выключить трубку.

– Конечно, продолжим! – Голос теперь звучал радостно, а интонации стали еще женственнее и душевнее. – Но как ты думаешь... для дальнейших творческих успехов нам не помешало бы более пристально присмотреться друг к другу?

– Несомненно.

– А ты не против, если я тебя сейчас приглашу на ужин?

– На ужин?

– Да. В ресторан. Я уже заказала столик.

Ирвин засмеялся – так неожиданно было это приглашение.

– Знаешь, вообще-то всегда в ресторан приглашал я, а не меня.

– Можешь язвить сколько угодно. – В голосе появилась обида. – Я дважды не приглашаю.

Ирвин заторопился:

– О'кей. Но только за мой счет, хорошо?

– Хорошо!

Как быстро меняется этот голос – опять радостные нотки. Но и грустно, и радостно – звучит одинаково обаятельно.

– Где мы встретимся?

Сандра терпеливо и долго объясняла глупому мальчику нью-йоркскую топографию. Ирвин старательно переспрашивал, пытаясь одновременно записывать, и пришел в состояние полного ступора, когда она вдруг рассмеялась.

– Не забивай себе голову этой ерундой, Ирвин! Это очаровательное заведение в Нью-Йорке знает любой таксист.

– О'кей! – только и смог он произнести в ответ с громадным облегчением.

Когда в мобильнике прозвучал сигнал отбоя, Ирвин, не выпуская телефона из рук, исполнил дикий индейский танец – так они с дедом когда-то отмечали удачную фотоохоту.

Вызвал такси. Обдумал наряд. Надо выглядеть немного богемно – Сандре понравится нестандартность. Джинсы менять не стоит, а футболку надену вот эту, черную, с абстрактным рисунком. На голову – черную бандану с белым пиратским черепом. Хорошо смотрится на моей пышной шевелюре, подчеркивает твердость черт лица, свойственную опытному флибустьеру.

Ирвин взял лучшую фотокамеру, покрутил в руках и положил обратно на стол. Нет, не за тем еду. Сандру это будет напрягать. Еще подумает, что я хочу застать ее врасплох. Да и мне надо просто расслабиться и присмотреться к ней как можно пристальней. Пока она будет приглядываться ко мне...

Дождаясь такси, Ирвин аккуратно убрал в холодильник непригодившиеся сэндвичи и пиво.

Мобильник шоферским сипатым голосом объявил о прибытии. Засунув телефон в карман джинсов, Ирвин бросился к лифту.

Мысли о предстоящем свидании настолько захватили Ирвина, что он рассеянно занял место в машине на заднем сиденье и почти ничего не замечал по пути следования, хотя грандиозность и резкие контрасты Нью-Йорка все еще оставались непривычными. Но что-то стало мешать, все больше и больше. Ирвин понял, что это за помеха, лишь когда машина резко затормозила на очередном светофоре и он, машинально обернувшись, вдруг сфокусировался на голубом седане «субару», в очередной раз возникшем за их спиной.

Дед-натуралист во время фотопоходов приучил Ирвина к высшей внимательности, без которой не заметишь ни гусеницу на ветке, ни скрытый в траве скромный цветок. Отставной морской пехотинец привил внуку навыки следопытства и бдительности – нередко фотопоходы превращались в индейские бои по всем правилам.

Вот и в данный момент привитые навыки сработали у Ирвина чисто автоматически. Определить слежку не составило труда. Он попросил шофера пару раз свернуть на улицы, уводящие от ресторана, но голубой «субару» не отставал.

Машина преследователя держалась на оптимальном расстоянии – не видно лица водителя, не разобрать номера. За рулем сидит явно профессионал.

Ирвин уважал профессионалов. И пожалел, что оставил камеру в студии. Щелкнул бы пару раз этого любопытствующего – может быть, что-то выяснилось бы при хорошем увеличении. А заодно отбил бы у некоторых жителей мегаполиса желание поиграть в индейцев на их безумных улицах.

– Остановитесь, – приказал Ирвин водителю, продолжая внимательно озираясь. – Можно припарковаться.

Шофер, привыкший к разнообразным причудам нью-йоркских пассажиров, спокойно повиновался, рассчитывая на дополнительные чаевые. Опытный водитель аккуратно и ловко приткнул машину в середину длинного ряда.

Голубой «субару» занял позицию в начале, но не утыкаясь в обочину, словно ожидая продолжения действий Ирвина. Такое поведение выглядело вызывающей, уверенной, спокойной наглостью сильного.

Этого мне только не хватало, подумал Ирвин. Может, нью-йоркские копы меня за кого-то приняли? Маньяк на охоте за королевой красоты?

Но кто бы ни пытался так примитивно пугать его, Ирвина, пусть знает – получит обратную реакцию. Во всяком случае, от посещения ресторана он отказываться не собирался.

– Двинули дальше.

Новому приказу молчаливый водитель повиновался точно так же, как преждему, – без вопросов, без удивлений. Выбрался из ряда, стремительно и точно вклинился в общий поток.

Следите сколько хочется. Мне скрывать нечего – ни от правоохранительных органов, ни от себя самого. Налоги перечислены. Кредиты выплачены. Прежние амурные похождения давно забыты. А вот новые, кажется, только-только начинаются...

Отпустив такси и выйдя к ресторану, Ирвин с облегчением заметил, что голубого «суб-ару» поблизости нет. Но не успел он сделать пару шагов к ресторанным дверям, как ожил мобильник. Сандре не терпится? Но это была не Сандра. Это была ассистентка – ее-то голос Ирвин успел изучить, как и обычные виноватые интонации, – в этот раз они звучали особенно явно. Поделом.

– Хай... наверно, я не вовремя.

– Ну как тебе сказать... Я как раз на пороге шикарного ресторана.

– Значит, Сандра верна себе.

– Что значит «верна себе»? А ты думала, что, узнав о провальной сессии, разгневанная модель заявится в студию и расцарапает наманикюренными ноготочками рожу незадачливого мастера?

– Ирвин... я просто хотела вывести тебя из состояния творческого нокдауна.

– Спасибо. Тебе это удалось.

– Ну что ж, счастливо провести вечерок. Не ты первый, не ты последний...

– Стоп. Что ты сказала?

– А что? Или тебе сразу расхотелось встречаться с Сандрой? – В голосе не в меру инициативной ассистентки зазвучали издевательские нотки. – С этой изумительной, несравненной красавицей, объектом всеобщего вожделения?..

– Кажется, плюну-ка я на этот чертов Нью-Йорк и вернусь в свой тихий...

– Извини, занесло. Но от своих слов не отказываюсь. Решай сам.

– О'кей. – Ирвин перевел дух, собрался с мыслями. Не стоило прекращать разговор. Лучше все узнать сразу, заранее. Уставившись на сияющие ресторанные двери, машинально провожая взглядом входящих дам и джентльменов, он продолжил: – Лайза, будь добра, про свети в двух словах насчет семейного положения Сандры.

– На этот счет можешь не волноваться. Три мужа – три развода.

– С этого места можно поподробнее.

– С каждым Сандра продержалась не более шести месяцев.

– Почему? Они устраивали ей сцены ревности?

– Сцены она закатывала сама. Сандру освобождали от мужей папарацци.

– Это уже интересно.

– Ничего интересного, один и тот же прием. Поводом к разводу каждый раз служила фотография, компрометирующая неугодного супруга. Три фото – три бракоразводных процесса. Разумеется, все – в пользу обманутой супруги. Солидные отступные, горечь угнетенной невинности и все такое...

– Ладно, с мужьями разобрались... – Ирвин никуда не спешил. Кто ждет – подождет. Хотя, наверное, то и дело набирает номер.

– Еще вопросы?

– Если уж ты все знаешь... как насчет любовника? Не твоего, понятно. Не может такая женщина, как Сандра, не иметь любовника.

Лайза безропотно проглотила ядовитую пилюлю. Спокойно ответила:

– Ты преувеличиваешь мою осведомленность. В агентстве что-то болтают насчет босса, но я лично не верю.

– Почему?

– Сандра не такая дура, чтобы заводить романы на службе. Да и босс, кажется, ее недолбливает, хоть и ценит. Вообще же, насколько мне известно, у нее и так предостаточно любовных вариантов.

– Не сомневаюсь...

– Тем более что полученные от бывших мужей компенсации обеспечивают ей роль любовницы по вдохновению, а не содержанки по необходимости. Существенная разница, согласишься. – В голосе ассистентки вновь появились ядовитые нотки. – Так что можешь позволить Сандре оплатить сегодняшний интимный ужин.

– Ну уж нет! – Возмущение Ирвина прозвучало совершенно искренно. – Я лучше спущу весь аванс, чем окажусь альфонсом!

– Вау! Я горжусь тобой, Ирвин! Удачи!

Короткие гудки. Удалилась не прощаясь. Ну и черт с ней.

Спрятав мобильник в боковой карман, Ирвин машинально глянул налево и направо. Голубого «субару» так и не видно. Настроение улучшилось.

А может, это дед сорвался в очередную самоволку из райских куц и на угнанной машине лично удостоверяется, как идет продвижение обожаемого внука к мировой славе?

Прости, дед: внук, вместо того чтобы создавать шедевры, шляется по ночным ресторанам...

5

Поднявшись на второй этаж в общий зал, Ирвин растерянно огляделся по сторонам. Все столики заняты, никому до него нет дела. Шум голосов, аппетитнейшие ароматы, звон бокалов...

Пока Ирвин пытался сфокусировать зрение на ближайших объектах и понять, как ему поступить, рядом появился элегантный господин в смокинге и осведомился об имени вошедшего.

– Ирвин... Ирвин Стоктон, – выдохнул ресторанный неофит.

Господин профессионально осклабился.

– Вас ждут... – И добавил вопреки этикету: – Честно говоря, сэр, я бы хотел оказаться на вашем месте.

Ирвин осторожно улыбнулся и, молча кивнув, двинулся вслед за смокингом, прокладывая путь с уверенностью ледокола.

Внутреннее убранство и вальяжные разодетые посетители достойно свидетельствовали о высоте цен в этом заведении и об особой изысканности меню. Но Ирвин не успел прикинуть, хватит ли ему всех капиталов, которые удалось наскрести на скорую руку – аванс и остатки дедовых накоплений...

Метрдотель отодвинул красивую бархатную штору и любезным жестом пригласил Ирвина в отдельный кабинет.

Мерцающий приглушенный свет окутывал Сандру, которая сидела за единственным столиком, одинокая, склоненная над свечой в розовом бокале, задумавшаяся о чем-то недоступном – и сама бесконечно далекая и недоступная, как мечта...

Увидев Сандру, Ирвин мгновенно забыл и про голубой «субару», и про слезку, и про деда, и даже про угрожающе неподъемный счет. Он неуверенно подошел к столику.

Очнувшись от таинственных грез, Сандра грациозным движением поправила локон у виска. Пламя свечи в глубине бокала дрогнуло, отразилось в ее бездонных глазах, мелькнуло легким бликом на ухоженной нежной коже безупречной шеи, украшенной бриллиантовым колье, озарило мерцающим светом кружева белого платья.

– Прости... – неуклюже пробормотал Ирвин и осторожно присел на свободный стул, не отрывая глаз от Сандры. – Я задержался...

Сандра Бьюфорт в этом уединенном уголке выглядела еще более потрясающе, чем во время фотосессии. Обратила к вошедшему грустное лицо.

– Я уже думала, что ты не придешь... что ты рассердился на мое приглашение.

– Нет, но это было так неожиданно.

Сандра протянула руку – на запястье мелькнул тонкий золотой браслет.

– Ничего, ведь ты пришел. – Пальцы с безупречным маникюром коснулись неловкой ладони робкого кавалера. – Это главное.

– Я рад, что ты не сердишься.

– Ну что, – неожиданно оживилась Сандра, – давай выпьем за нашу встречу?

К счастью, шампанское было открыто. Ирвин разлил напиток по фужерам мастерски, не пролив ни капли. Чокнулись, улыбнулись друг другу, молча выпили.

– Я не стала роскошествовать, – объясняла Сандра, грациозным жестом обводя блюда, неизвестные Ирвину ни по названию, ни по вкусу. – Все очень просто и очень полезно.

– Наверное, – сказал Ирвин. – Судя по твоей фигуре, ты разбираешься в этом, как это называется... калорийном балансе.

– Еще бы! – Сандра лукаво прозвенела серебряной вилкой по хрусталию. – Для начала – вот этот салат.

– С удовольствием.

Проголодавшийся Ирвин послушно пробовал все, чем угощали, ел, не различая ингредиентов, блаженно улыбался и соглашался, не разбирая слов, – хмель понемногу овладел сознанием. Но не только шампанское опьянило и затуманило глаза, сердце, душу. Та, что сидела напротив, сама была как бокал шампанского. Самого искристого и вкуснейшего сорта. И он готов был всю жизнь сидеть здесь, в этой тишине и полутьме, потягивать очередной бокал, слушать слова, жемчугом слетавшие с волшебных губ, смотреть на отблеск света в этих глубоких темных глазах, не зная, зачем все это, как это называется, – но, наверное, это-то и называется счастьем...

Сандра задумчиво, медленно проводила тонкими пальцами над пламенем свечи, и Ирвин заворуженно следил за таинственными движениями, слушая странные слова:

– Ирвин... я рада, что ты так мужественно пережил неудачу. Ах, если бы ты знал, насколько ты счастливее меня! Судьба королевы красоты несравнима с судьбой фотохудожника. Кто я? Мотылек, который скоро сгорит на пламени вот этой свечи. У художника всегда остается надежда, что рано или поздно он создаст шедевр, а королева красоты обречена на забвение. Через год приходит новая Мисс, которая, быть может, и уступает по многим параметрам прежней, но зато у нее главное преимущество – свежесть. Королева красоты – товар одноразового пользования. Художник может чередовать провалы с удачами, художник может вновь заявить о себе, если даже его прочно забыли. Королева красоты лишена права на повторный успех. Она даже не может снова участвовать в конкурсе, который проиграла. Потому я так завидую твоей доле, потому я так счастлива, что ты, именно ты, можешь навеки запечатлеть красоту мотылька.

Она смахнула нечаянную слезу.

– Да, это, кажется, единственное, что я могу, – проговорил Ирвин, потрясенный признанием. – Единственное, что я могу для тебя сделать. И я постараюсь, очень постараюсь.

Сандра подняла на него взгляд – темный и томный.

– Надеюсь! – Сандра убрала руку от свечи. – Очень надеюсь.

– А можно вопрос? – Ирвин охмелел и осмелел. – Правда не совсем корректный...

– Ну что ж, раз мы об этом заговорили – спрашивай.

– Неужели ни один из твоих мужей не смог оценить...

– Ах, мои мужья?.. – Сандра поняла вопрос с полуслова. – Не Лайза ли тебя просветила насчет моей семейной ситуации? Хотя не помню, чтобы я просила ее об этом рассказывать кому попало.

– Это я виноват.

Ирвин покраснел, изо всех сил надеясь, что в полутьме это не будет заметно.

– О, как мы защищаем нашу безотказную ассистентку, – горько усмехнулась Сандра – и снова протянула пальцы к огню свечи, словно пытаясь ее неверным пламенем согреть похолодевшие руки, как греют замерзшую душу.

Ирвин опять оробел. Неуверенно произнес:

– Знаешь, насколько я успел понять, Лайза всем старается сделать лучше – правда это не всегда у нее получается.

– Впрочем, мне все равно, что тебе рассказала угодливая и разговорчивая ассистентка. Обо мне говорят все и всё. Все, кто хочет, всё, что угодно, – кроме правды. Ибо ее знаю только я. А я ее никому открывать не собираюсь.

Она осеклась на полуслове и снова взглянула в растерянное лицо Ирвина, прямо в глаза – решительность боролась с нежностью.

– Никому, кроме тебя, Ирвин. Тебе я скажу все как есть. До встречи с тобой я не представляла себе другой возможности сохранить жизнь мотыльку. Да, мне пришлось вести тяжелую борьбу – если не за любовь, то за элементарное существование. Вот-вот то, что люди называют моей красотой... и что мне еще не довелось увидеть, – эти слова Сандра произнесла с особым значением, – эта так называемая красота увянет – и что же останется мне? Вот я и пыталась хоть таким образом превратить ее в капитал. Ведь только удачное замужество может обеспечить женщине приличное состояние – и необязательно, чтобы брак был по обоюдной любви. Звучит грубо, да, не спорю. Правда вообще груба. Каждый борется за жизнь как умеет. Да я и не умею бороться, а с людьми – тем более. Пусть говорят, что хотят. – Она грациозно махнула рукой. – Давай лучше выпьем и забудем эти грустные темы!

– Давай, – охотно согласился Ирвин и подлил ей шампанского.

После очередного глотка Сандра порозовела, глаза заблестели. Полетели шутки, то невинные, то вольные, и всякая цепляла Ирвина, заставляла хохотать от души. На какое-то мгновение он почувствовал себя не то игрушкой, которой забавляется котенок, не то рыбой, которой кидают блесну. По крайней мере уж лучше быть крупной рыбой, мысленно посмеивался он над собой, слушая, как Сандра веселится, рассказывая подробности о своих мужьях-оригиналах. А попробуй не кинься на такую заманчивую блесну!..

Лукавый взгляд красавицы поощрял и соблазнял. Ирвин, совсем потеряв голову – от шампанского, от смеха, от волнующих слов, – смело взял Сандру за руку и принялся целовать ее пальцы – один за другим.

Она не отнимала руку, с улыбкой следила за выражением его лица. Потом взяла его руку и поцеловала – легко и просто.

От прикосновения нежных губ Ирвина словно ударило током.

– Не надо... – пробормотал он, чувствуя, что еще мгновение – и он не выдержит...

Сандра убрала губы, оставила ему свою нежную ладонь. Оба замолчали.

Медленно поднялись длинные ресницы, блеснул лукавый взгляд исподлюбья – и вдруг непостижимая в своих переходах красавица неожиданно произнесла:

– А вот теперь моя очередь задать некорректный вопрос: тебе нравится ассистентка?

– Да ты что! Нисколько, – поспешно ответил Ирвин, стараясь говорить как можно увереннее. Перехватил иронически-недоверчивый взгляд, заглянул в свои мысли, чтобы ответить более искренно. – Хотя иногда возникает какое-то странное ощущение...

– Ну-ка, ну-ка!

Тонкая ладонь сжимала его руку, словно проверяла на детекторе лжи. Ирвин чувствовал, что надо отвечать только правду, одну правду, даже если это и не очень кому-то понравится.

– Когда Лайза рядом – я ее воспринимаю на уровне... – Ирвин замялся, но продолжил: – Ну, на уровне оборудования и аксессуаров.

– Молодец! – звонко рассмеялась Сандра. – Действительно, она воспринимается, как какая-то мебель.

– Но вот когда Лайза уходит... – Ирвин снова замялся, почувствовав, как в руку вжимаются острые ногти, но все же закончил: – Когда уходит... у меня возникает ощущение, что в студии не хватает чего-то существенного.

– Другая атмосфера сразу, да? – охотно подхватила Сандра нить мысли. – Все так считают, не ты один. Всем известно, что, несмотря на свою демонстративную скрытность, Лайза умеет навязать свою волю. Даже боссу доказала свою незаменимость.

Ирвин растерялся от такого поворота и смог только неуверенно пробормотать:

– Да, странное, непонятное существо...

Сандра похлопала его по руке и откинулась на спинку стула. Прищурившись на огонь свечи, задумчиво произнесла:

– Между прочим, мы с ней когда-то пересеклись на конкурсе «Мисс Америка»: я как победительница в Техасе, она – в Иллинойсе.

Ирвин изумленно уставился на нее:

– Ты хочешь сказать, что Лайза... И кто из вас победил?

Сандра помрачнела. Вздохнула.

– Никто. Лайза, увы, еще до финала угодила в аварию. Ну а мне не повезло по причинам политкорректно.

– Объясни.

– В тот год впервые избрали президентом афроамериканца – так что устроители конкурса сделали все, чтобы победила сам понимаешь кто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.